

**ББК 63.3(4ЮГО)63
УДК 94(497.1)«1989-1991»**

Сергей Романенко

**М. С. Горбачёв
и судьба Югославии**

Конфлікт між КПРС і СКЮ, СРСР і Югославією, Сталіним і Тіто залишив глибокий слід у розвитку не тільки двох партій і держав, але й соціалістичної системи та міжнародного комуністичного руху у другій половині ХХ ст. М. С. Горбачов та його однодумці не тільки спробували остаточно подолати наслідки конфлікту 1948 - 1956 рр., але й використати у своїй політиці деякі елементи концепції соціалізму Тіто-Карделя. Вони ж прагнули запобігти розпаду СФРЮ. Однак обидві партії й обидві держави припинили своє існування в 1990-1991 рр.

Ключові слова: Горбачов; перебудова; Тіто, стосунки СРСР – Югославія; самоуправлінський соціалізм; федерації; розпад багатонаціональної держави.

Отношение к Югославии, роль и место «титовского социализма» в формировании мировоззрения М.С. Горбачёва и его соратников, во внешней политике СССР и в формировании концепции перестройки до сих пор не стало предметом особого исследования. Этот сюжет можно рассматривать в разных контекстах – и в контексте интеллектуальной истории советского общества, и в контексте истории

внутриполитической борьбы в СССР, и в контексте формирования внешней политики КПСС и Советского государства и, наконец, в контексте истории формирования и развития мировоззрения политического деятеля, которому суждено было сыграть видную роль в истории нашей страны и всего мира.

Многие, даже большинство, документов, всё ещё находящихся в «закрытых» архивах, ещё будут обнаружены и проанализированы историками последующих поколений. Однако многие концептуальные проблемы, на наш взгляд, если не решить, то, по крайней мере, поставить, можно уже сейчас, опираясь на доступный ныне круг источников. В отечественной историографии до сих пор практически отсутствуют исследования, посвящённые проблемам истории СФРЮ и советско-югославских межгосударственных и межпартийных отношений в 1960 – 1991 гг. Редкие советские статьи и коллективные монографии той поры в своём большинстве носят не научный, а политико-идеологический и пропагандистский характер; их авторы находились в жёстких рамках множества теоретических, концептуальных и фактографических ограничений, связанных с доступом и распространением идей и информации, попросту говоря, с цензурой.

Само по себе формирование отношения М. С. Горбачёва к Югославии, к Тито, к югославскому опыту «социалистического строительства» проходило под влиянием разных источников. С одной стороны, это объективно было «сталинское наследие»¹. С другой стороны, это была новая информация, начавшая поступать в СССР как из официальных партийных изданий, так и из зарубежных источников информации, разрешённых в СССР². Газеты и журналы стран Восточной Европы можно было купить в Москве и Ленинграде. При этом вряд ли югославская проблема волновала М. С. Горбачёва специально. Всё это рассматривалось лишь в контексте идей, распространённых среди некоторой части партийного и государственного аппарата и «партийной интеллигенции», которые стремились найти альтернативу сталинизму в рамках «социалистического учения» в его советском варианте.

Последовавшие события показали, что «время брало своё, и контакты с годами входили вроде бы в нормальное русло»³. Читая эти строки, написанные уже всемирно известным политиком о прошедших временах, можно осторожно предполо-

жить, что взгляды М.С. Горбачёва на Югославию и концепции югославских коммунистов мало чем отличались от официальной точки зрения руководства КПСС. Да и находясь далеко от вершин власти, он в 1970 – начале 1980-х гг. занимался далёкими от международных отношений и ситуации в международном коммунистическом и рабочем движении проблемами.

И все же представления М.С. Горбачёва, на которые ему суждено было опереться в конце 1980-х годов, формировались на фоне внутривластной борьбы в КПСС, когда отношение к Югославии стало своего рода водоразделом между умеренно реформаторским и ярко выраженным консервативным крыльями, а также на фоне событий 1956 г. в Венгрии и Польше, 1968 г. в Чехословакии, 1971 г. в той же Югославии, в 1981 г. в Польше.

Фантом под наименованием «Югославия», войдя в плоть и кровь мировоззрения и мироощущения рядового советского человека по-прежнему, хотя и исподволь, все эти годы оставался лакмусовой бумажкой политических убеждений, профессионализма и человеческой порядочности⁴. В «верхах» с 1964 г. и до середины секретарства М.С. Горбачёва «югославский фактор» рассматривался советским руководством исключительно как внешнеполитический и не играл практически никакой роли во внутренней борьбе в Кремле. Пережив хрущёвскую «оттепель» и брежневский «застой», он по наследству достался М. С. Горбачёву, который искренне стремился решить болезненную проблему в рамках «перестройки», затрагивавшей не только внутреннюю, но и внешнюю политику, межгосударственные отношения и международное коммунистическое движение.

После трёх визитов в Москву высших руководителей СФРЮ, вызванных необходимостью присутствовать на похоронах советских генсеков (Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова и К.У. Черненко) в начале 1980-х гг., наступила пора налаживать нормальные рабочие связи с новым руководством СССР и КПСС. Ещё во время своего официального визита в Москву 3–7 июля 1985 г. председатель Союзного исполнительного вече (правительства) СФРЮ Милка Планинц отметила, что Горбачёв предложил вместо «ссор» диалог по вопросам, в которых расходятся позиции наших партий и государств. Тогда его югославским собеседникам это было в новинку, и они оценили

это предложение. Но когда по инициативе югославской стороны стали обсуждать проблемы Югославии и задолженность страны Западу, М.С. Горбачёв сказал: «Обопритесь на нас». А эти слова были оценены югославской стороной уже как стремление в иной форме «оживить прежнюю политику сближения Югославии с СССР и вовлечения её в социалистический лагерь»⁵.

Для полной нормализации отношений должно было пройти время. Итоги переосмысления прошлого были подведены М.С. Горбачёвым, оказавшимся наследником двух противоположных советских традиций – «аппаратной» и диссидентской – «шестидесятичной», со всеми их внутренними противоречиями, обозначившимися к концу 1980-х гг. С именем М.С. Горбачёва тесно связаны попытки провести соответствующие духу времени и настоятельной необходимости реформы в СССР и КПСС. На этом пути он неизбежно столкнулся с «югославской проблемой», с необходимостью примирения двух партий, двух концепций «строительства социализма», двух режимов. С началом дезинтеграционных процессов и нарастания кризиса коммунистических режимов в обеих странах «славянский», в особенности, «сербский», мотив зазвучал вновь. В вышедшей в январе 1988 г. книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» генеральный секретарь критически отозвался об отечественных теоретиках и практиках, которые «выступали чуть ли не в роли единственных хранителей истин». Но инерция прошлого была ещё очень сильна, и он не мог и не отдал дань советской традиции: «в ряде социалистических стран возникали тенденции к определённому замыканию в себе, что создавало почву для субъективных оценок и действий». Упомянув о «серьёзных сбоях в отношениях между социалистическими странами», М.С. Горбачёв признал, что «особенно тяжёлым было нарушение дружественных отношений между Советским Союзом и Югославией, Китайской Народной Республикой и Албанией»⁶. Эти слова можно было в полной мере отнести и к советско-югославским отношениям, хотя «югославская проблема» не была отдельно упомянута. Подобный принципиальный подход сделал возможным окончание идеологического и политического противостояния.

Постепенно контакты на высшем уровне принимали более интенсивный характер, и «югославы смогли ещё раз убедиться в

готовности Москвы к открытому диалогу». Как свидетельствовал помощник М.С. Горбачёва Г. Х. Шахназаров, «одним из первых актов нового советского руководства стало удовлетворение давнего настойчивого желания югославам добиться покаяния с нашей стороны». Хрущев в известных документах середины 1950-годов все же «поделил вину за произошедший разрыв на двоих, что югославам никак не устраивало. Они годами ждали, время от времени деликатно намекая, что нам не худо бы признать себя виноватыми. И это было сделано в Советско-югославской декларации, принятой в ходе визита лидеров СФРЮ в Москву»⁷.

Возможно, полным идеологическим примирением двух сторон и переводом их в цивилизованное русло можно назвать визит М. С. Горбачёва в СФРЮ 14–18 марта 1988 г. Новая белградская «Советско-югославская декларация», подписанная спустя более тридцати лет после знаменитых «хрущёвских» 1955–1956 гг., как и задумывали обе стороны, «закрывала период враждебности и распада»⁸. Это означало поворот в сознании значительной части правящих кругов обеих стран. Участники переговоров подчеркнули «историческую роль и непреходящую ценность универсальных принципов, содержащихся в Белградской и Московской декларациях, а именно: взаимное уважение независимости, суверенитета, территориальной целостности, равноправие, недопущение вмешательства во внутренние дела под каким бы то ни было предлогом. Обе стороны особо отметили, что свои взаимоотношения они строят на «уважении особенностей путей и форм их социалистического развития и различия в международном положении»⁹. «До того момента невозможно было себе представить, – вспоминал Раиф Диздаревич, занимавший тогда пост союзного секретаря по иностранным делам СФРЮ, – чтобы советский лидер сказал (да ещё и в Белграде!), что никто не может навязывать свою модель другому»¹⁰.

В опубликованных семь лет спустя воспоминаниях М. С. Горбачёв с сожалением писал о том, что у многих новых лидеров в Югославии «не было деятельной общей заботы о главном – о том, чтобы сохранялась живая ткань отношений между южнославянскими народами и народностями». Отмечалось лишь, что «отношения дружбы народов двух стран имеют давние корни», что «они особенно окрепли в совместной борьбе

против фашизма в годы Второй мировой войны». Конфликт 1948 г. всё же упоминался, но как дело решённое, причины которого «устранены» путем «уважения самостоятельности и независимости партий и социалистических стран в определении путей собственного развития». Между тем в своём выступлении в Скупщине (парламенте) СФРЮ М. С. Горбачёв пошел дальше Н. С. Хрущёва и прямо сказал, что «добрые отношения между нашими странами были нарушены по вине советского руководства»¹¹. Обе партии отказывались от «монополии на владение истиной и заявили об отсутствии у них претензий навязывать кому бы то ни было собственные представления об общественном развитии».

В то же время, не было и речи о пересмотре роли правящих партий – КПСС и СКЮ. В СССР ещё не была отменена 6-я статья Конституции о «руководящей и направляющей роли КПСС» (это произошло только в марте 1990 г.), «да и югославы при всем их „оппортунизме“, при том, что сами в своё время провозглашали отделение партии от государства и „деэтактизацию“, не приняли бы подобной концепции»¹².

Подписанная декларация не только означала подведение окончательной черты под конфликтами и предрассудками прошлого, но и, по-видимому, стала для М.С. Горбачёва одним из этапов его окончательного разрыва со сталинизмом, с его идеологией и психологией: с одной стороны, «сознательным использованием наиболее тёмных и в то же время реально существующих инстинктов, рефлексов и традиций российского общества»¹³, с другой, – добровольным согласием и покорностью населения, так и не ставшего обществом. Горбачёв, писал в его биографии Душко Додер и Луиз Бренсон, «остался твёрд в своём намерении навсегда похоронить „доктрину Брежнева“, утверждая, что народы Восточной Европы имеют право сами решать, при каком строе они должны жить»¹⁴.

А ведь незадолго до этого, в 1986 г., М. С. Горбачёв, только что избранный генеральным секретарем ЦК КПСС, в февральском интервью газете французских коммунистов «Юманите» отрицал само существование «сталинизма»¹⁵, модернизацией внешнеполитических принципов которого и была вышеупомянутая доктрина. Вместе с тем, М. Джилас полагал, что «вместе с Горбачёвым пришел конец так называемому сталинизму». При

этом он подчеркивал утопичность попыток апелляции к Ленину против Сталина: «поскольку сталинизм – это только основное, победившее течение [в учении] Ленина и ленинизме. Без понимания этой горькой и ужасной, в особенности для советских вождей, истины, нет перспективы превращения советской системы без серьёзных потрясений в правовое государство и эффективную товарно-денежную экономическую систему»¹⁶.

Реальность этого явления и необходимость расчётов с ним Горбачёв почувствовал, не только посетив Югославию, но и прочитав в те же дни «письмо» Н. Андреевой. Не только символично, но и, наверное, далеко не случайно, что этот манифест антиреформаторского течения в КПСС был опубликован именно в тот момент, когда генсек находился в СФРЮ, откуда предпринял очередную попытку «вернуть стихию беспорядков», уже начинавших захлёстывать тогда ещё советские республики, «в политическое русло»¹⁷. Гостеприимные и внимательные хозяева заметили, что советский гость работает минимум до трёх часов ночи, хотя внешне он ничем не выдал своих тревог¹⁸.

Г. Х. Шахназаров оценивал отношения СССР с Югославией на тот момент как «самые безоблачные» по сравнению с остальными «социалистическими государствами». Однако с этим трудно согласиться. Весьма сомнительным комплиментом М. С. Горбачёву и его сторонникам выглядит и тезис о том, что «перестройка продвинула Советский Союз примерно к тому состоянию, в каком оставил свою страну Тито»¹⁹. Это свидетельствует о том, что в советском руководстве даже эксперты высшего уровня не обладали тогда достаточным знанием и пониманием ситуации в СФРЮ и СКЮ. Помощник генерального секретаря несколько свысока вспоминал о содержании и атмосфере переговоров: «Югославским лидерам, которые не успели, да и не сумели толково распорядиться наследством Йосипа Броза Тито, важно было понять смысл событий, разворачивающихся в Советском Союзе, намерения нашего руководства. В СФРЮ уже появились первые признаки эрозии системы, в верхних эшелонах ощущали необходимость профилактических перемен и, видимо, не исключали возможность заимствовать что-то из опыта перестройки».

М. С. Горбачёв уловил эти настроения и охотно поделился своими замыслами, постоянно подчеркивая, что начатые им

реформы ни в коем случае не рассчитаны на «капитализацию страны». «Я в курсе и наших, и ваших сложностей. Решая их, не искал бы ответов за рамками социализма. Наоборот, надо воспользоваться преимуществами нашего общественного строя, решительно проводя необходимые структурные изменения, применяя новые подходы. Предпосылка успеха — перестройка мышления людей. А этого не добиться без глубокой демократизации общества»²⁰.

На официальном обеде, данном в его честь от имени Президиума Сербии и Президиума ЦК СК Сербии, Горбачёв познакомился со Слободаном Милошевичем, заявившим в протокольной речи, что в Сербии «с большим вниманием, огромным интересом и искренней поддержкой следят за всем, что в последние годы происходит в Советском Союзе». Председатель Президиума ЦК Союза коммунистов Сербии назвал социализм «прогрессивным обществом нашей эпохи», «представляющим будущее человечества, и не только потому, что таков прогноз научного социализма, который дали Маркс и Энгельс и их последователи, в первую очередь Ленин, но и потому, что социализм является воплощением прогрессивных сил современного мира»²¹. В ответ М.С. Горбачёв заговорил о «давних и добрых исторических традициях, которые связывают русских с сербами», о том, что «в сердце каждого русского и серба, так сказать, в их генетической памяти заложены взаимная доброжелательность и дружеское тяготение». Впоследствии сходную риторику активно использовали С. Милошевич и его окружение как для осуществления собственных политических планов, так и против политики демократических реформ в СССР М.С. Горбачёва и независимой России в 1991–2000 гг. Характерно, что Горбачёвым не было сказано ничего подобного в отношении хорватов и словенцев на встречах с тогдашними руководителями этих республик и партий. По-видимому, всё же сказались предрассудки советского руководства и партийного аппарата, которые всегда подсознательно считали словенцев и хорватов «католиками», «не нашими», «западниками».

Тем не менее «советская угроза» всё ещё воспринималась югославскими, в том числе и сербскими партийными вождями, как реальная возможность, которая может стать явью в любую ми-

нута. Например, участник одного из решающих для судьбы С. Милошевича заседаний партийного руководства 1987 г. (то есть, еще до визита Горбачева), И. Стамболич позднее вспоминал, что, когда он увидел выражение лица «Слобы» (т.е. С. Милошевича), то в первую секунду подумал, что на Югославию «напали русские, что началась третья мировая война»²². Такова была не прикрытая дипломатическим этикетом политико-психологическая реальность.

Среди руководителей, с которыми встретился в 1988 г. М.С. Горбачёв, между прочим, был и будущий президент Словении (тогда – Председатель Президиума СК Словении) М. Кучан. Ему, вероятно, единственному из всех коммунистических руководителей стран Средней, Восточной и Юго-Восточной Европы, впоследствии удалось подтвердить свои полномочия на прямых президентских выборах и практически мирно провести страну по пути реформ от социализма (пусть и самоуправленческого) к подлинно рыночной экономике и парламентской демократии.

Во время переговоров со С. Милошевичем в 1988 г. Горбачёв, как свидетельствуют его воспоминания, почувствовал националистический настрой собеседника. Однако и позднее, не совсем корректно чисто политически и, может быть, отчасти подсознательно, сравнивая положение сербов и русских, Сербии и России, он полагал, что «руководители крупнейшей республики не без основания опасались, что усиление сепаратистских тенденций и течений, затронув прежде всего интересы граждан – сербов по национальности, проживающих в федерации, вызовет дестабилизацию всей страны»²³. Знал ли тогда советский руководитель о «Меморандуме Сербской академии наук и искусств» 1986 г., ставшем манифестом сербской националистической «перестройки», о действиях и взглядах самого С. Милошевича? Смогли ли тогда реально оценить этот документ его помощники? Во всяком случае, многоопытный советский генсек во время переговоров с руководителями Сербии, Хорватии и Словении не мог не увидеть значительных различий в их оценках ситуации в СФРЮ и предложениях относительно направленности реформ.

В следующий раз Горбачёву и Милошевичу было суждено встретиться в Москве в драматических обстоятельствах октября 1991 г. Тогда уже стало окончательно ясно, что социализм, будь то «этатистский» или «самоуправленческий», «сталинский» или

«титовский», без харизматического диктатора (в «ежовых рукавицах» или в «бархатных перчатках») без внутренних репрессий и противостояния внешнему миру (в том числе и себе подобным!) нежизнеспособен. Борьба сиамских близнецов с внешним окружением и друг с другом закончилась гибелью обоих.

Но в 1988 г. ещё никто не знал, что подлинные реформы милитаризованной системы социализма приведут в обеих странах к попыткам военных путчей, что обеим странам и партиям остается существовать не больше трёх лет. Подписанная во время визита «Долгосрочная программа экономического сотрудничества СССР и СФРЮ на период до 2000 г.» так и осталась на бумаге. А над головами встречавших на московском аэродроме возвратившегося из Белграда М.С. Горбачёва «членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС» почти что зримо витал призрак «письма» Нины Андреевой.

Если раньше советские руководители (за исключением короткого периода в конце правления Хрущёва) всеми силами открещивались от анализа югославского опыта и тем более переноса его на советскую почву, то теперь советский президент стал присматриваться к позитивному и негативному опыту югославских товарищей, признал типологическое родство партий и государств. Позднее этот приём – сравнения к месту и не к месту с Югославией и постюгославскими государствами приобрел в независимой России гипертрофированный характер, но в 1991 г. Горбачёв делал лишь первые шаги в этом направлении.

Для «горбачёвского» руководства положение в Югославии в конце 1980 – начале 90-х гг. было важным не только из-за теоретических и практических аналогий между судьбами двух «социалистических» государств и этнотерриториальных федераций. «Очевидно, что на фоне активности Европейского сообщества и особенно Германии, а также намерений США присоединиться к этому процессу, отсутствие Советского Союза не могло не наносить урона его статусу великой державы», – вспоминал последний пресс-секретарь М.С. Горбачёва А.С. Грачёв.

О степени озабоченности советского руководства развитием событий в СФРЮ и понимания им «первопричин произошедшего там взрыва» и его возможных последствий свидетельствует одна из «записок», направленных Шахназаровым еще в декабре

1990 г. Горбачёву и озаглавленная «К вопросу о Югославии». «Перед нами сейчас традиционная для международных отношений политическая задача: как совместить два справедливых интереса (государственный суверенитет и прав народов на самоопределение – *С.Р.*), не допустив при этом ущерба окружающим. Задача высшей политической сложности, и если её не удастся решить, последствия могут быть катастрофическими», – писал Г. Х. Шахназаров, подчеркивая, что эти признанные международным правом принципы «составляют фундамент общеевропейского процесса». Справедливо отмечая, что «противостояние периода „холодной войны” как бы отодвинуло на задний план региональные противоречия на континенте», советник писал, что «теперь возникла реальная угроза того, что тлевшие здесь конфликты могут вспыхнуть с новой силой, поставив под угрозу всё развитие мирного общеевропейского процесса». Безусловно, настаивал он, «решать эту проблему – право народов самой Югославии и ее правительства. (...) Однако нельзя допустить, чтобы пожар войны опалил эту прекрасную страну и перекинулся на соседей». Поэтому «бесспорны и право, и обязанность участников Европейского сообщества оказать всемерную поддержку и помощь югославам в этот трагический для них час»²⁴. Поэтому было бы «крайне важно выработать некоторые общие подходы к событиям в СФРЮ. В декларациях ООН и документах СБСЕ, особенно Парижской хартии, заложены требования, которые должны соблюдаться в таких случаях. Речь идет, во-первых, о том, что право народов на самоопределение должно осуществляться так, чтобы при этом не допускалось нарушение суверенитета государств, основным признаком которого является территориальная целостность, – продолжал Г.Х. Шахназаров. – Во-вторых, любые изменения не должны вести к перекройке границ в Европе, нерушимость которых стала главной гарантией мира и безопасности на континенте. Отсюда вытекает, что не могут признаваться односторонние акты, нарушающие конституционный порядок в том или ином государстве. Пойти по этому пути – значило бы нарушить принцип невмешательства во внутренние дела, породить цепную реакцию, разрушающую всю международную законность». То есть, по сути дела, для советского политика приоритет государства и тем более его целостность были

первейшим и незыблемым принципом при всех обстоятельствах. Парадокс, однако, состоял в том, что позиция насильственного сохранения единства распадавшихся государств извне отнюдь не в меньшей мере означала не примирение, а стимулирование конфликта внутри самого государства по пути «противоправных насильственных акций», радикализацию позиций вовлечённых в него сторон. А решение оказывалось весьма далеким от «мирного, демократического пути, на основе переговоров и взаимных компромиссов», на которые надеялись в Кремле.

«События в Югославии, – заканчивал Г. Х. Шахназаров, – первое серьёзное испытание той новой системы безопасности, которая начинает формироваться в Европе и в мире в итоге происшедших перемен. Сумеет ли пройти это испытание – будет доказана устойчивость и надёжность опор нового международного порядка»²⁵. Однако дальнейшие события показали, что «новый международный порядок» приобрёл совершенно иной характер.

Постепенно «становилось всё более очевидным, что Старая площадь уже не могла контролировать ситуацию в Восточной Европе, отказавшись от сталинско-ждановского и брежневско-сусловского механизма воздействия на членов Восточного блока. (...) Ситуация в регионе менялась явно не в пользу Кремля», – пишет российский исследователь Ар. Улуянц²⁶. Отражением борьбы двух тенденций в советском руководстве и стало Постановление Секретариата ЦК КПСС «О развитии обстановки в Восточной Европе и нашей политике в этом регионе» от 22 января 1991 г. В нём содержалась резкая, вполне созвучная позиции «югославских товарищей», критика внешнеполитического курса «реформаторского крыла» во главе с Горбачёвым. Поэтому проигравший в тот раз генеральный секретарь не мог отказаться от предостережений «западным охотникам запустить руки в обостряющиеся внутрисоюзные проблемы»: «не вмешиваться во внутренние дела Югославии и не поощрять её распад».

Впрочем, теория «заговора» против социализма не была ему совсем чужда. Ещё во время своего визита в Белград в 1988 г. «генсек счёл своим долгом предостеречь югославских лидеров о намерениях правящих кругов Запада использовать в своих целях трудности в развитии социалистических стран. (...) Он делился с югославскими руководителями информацией о семинаре „амер-

риканской интеллектуальной элиты” с участием Г. Киссинджера и Дж. Кирпатрик, на котором обсуждались подрывные планы в отношении соцстран и прежде всего говорили о стимулировании оппозиционных партий. Тема нашла живейший отклик со стороны югославы. Жалуясь на попытки Запада подорвать дружбу народов СФРЮ, они, однако, выражали уверенность, что „корни югославского братства и единства, скреплённого совместно пролитой кровью в народно-освободительной борьбе, очень сильны, их не так легко вырвать”»²⁷.

К сожалению, даже просвещённые и «либерально настроенные» советники Горбачёва не до конца понимали суть происходящего; многие из них так и не смогли преодолеть политико-психологическую инерцию прошлого, осознать историческую неизбежность распада СФРЮ и тем самым, возможно, способствовать мирному разрешению возникшего конфликта. «Предостережение» М.С. Горбачёва адресовалось «в первую очередь Германии из-за её открытой поддержки хорватских и словенских *сепаратистов* (выделено мной – *С.Р.*)», – писал, например, А. Грачёв даже спустя несколько лет, отождествляя процесс национального самоопределения и сепаратизм²⁸.

«Аппаратным либералам» в Кремле не удалось преодолеть традиционные сетования на то, что «западные правительства и разведки, видевшие в соцстранах, в том числе и в Югославии, потенциального противника, приложили руку к стимулированию сепаратистских движений». Однако, будучи честными экспертами, они критиковали «тех, кто распорядился их (СССР и Югославии – *С.Р.*) судьбами» за то, что те «источник беспокойства искали главным образом в зарубежных кознях» и отдавали себе отчёт в том, что «никакие происки джеймсов бондов не могли бы ничего поделать, если бы корни национальной вражда не уходили в землю глубже корней национальной дружбы. Мусульмане и христиане, сербы и хорваты, другие национальные меньшинства, соединённые в Югославском государстве волею Антанты, припомнили друг другу взаимные обиды и ущемления». Однако, если с этим согласиться, то непонятным останется вывод о том, что «Федеративная Югославия стала первой жертвой распада Советского Союза», а «другой его жертвой стала Чехословакия»²⁹.

Несмотря на наступление сторонников новой изоляции и конфронтации, летом 1991 г. М.С. Горбачёв в югославском вопросе последовательно стремился найти «общие подходы» с руководителями стран Западной Европы и США. Более того, он подчёркивал это публично, вероятно, иногда преувеличивая степень реально достигнутого взаимопонимания. Вместе с тем вопросы, посвящённые СФРЮ, Президент СССР неизменно использовал для агитации за собственный план сохранения реформированного СССР. «Мы выразили надежду, что нынешний переход к новому качеству югославской федерации завершится успешно. Мы это воспринимаем близко, потому что это перекликается с процессами в нашей стране», – говорил он в мае 1991 г. после встречи с премьер-министром Италии³⁰.

«Для всех нас, то это урок, для народов Советского Союза, урок и предостережение. (...) Надо идти путём обновления, а не дезинтеграции», – заклинал он 5 июля, после встречи с Г. Колем³¹. «Законность прежде всего. Стабильность в любом государстве будет тогда, когда будет действовать закон, и все институты власти и общественные институты будут строго соблюдать законы. Точно также и в международных отношениях мы должны руководствоваться этим пониманием. (...) Всё надо решать в рамках реформирования нашей федерации», – настаивал он 9 июля на совместной пресс-конференции с Ф. Гонсалесом³². «Мы высказались за то, чтобы избежать применения силы», «СССР и США исходят из того, что решение возникших проблем должно быть найдено самими народами Югославии», – заявил президент СССР 31 июля в присутствии президента США³³.

На встрече с Ф. Гонсалесом он, памятуя о непростых отношениях СССР и СФРЮ, КПСС и СКЮ, осторожно выразился в том духе, что Москва готова «оказать услуги политического характера, когда государство, в данном случае правительство Югославии, нас об этом просит. Все, кто там оказался, не в праве рассматривать себя как некую полицейскую силу, которой дано особое право и она может не считаться с правительством и с порядками этой страны. Поэтому всё нужно делать совместно в порядке услуги, оказывая поддержку в этот трудный момент»³⁴.

На упомянутой пресс-конференции с Ф. Гонсалесом М. С. Горбачёв отдал должное назревавшему среди определённой ча-

сти аппарата и политизированной публики настроениям и задался вопросом, который в течение последующих лет стал одним из наиболее болезненных вопросов внутривнутриполитической жизни независимой России. «Что значит для нас Югославия? Это – дружественные народы, нас объединяет многое – и история, и далекое прошлое, и не очень далекое, совместная борьба с фашизмом. Нас объединяют десятилетия сотрудничества, общность славянских народов. И мы особенно чувствительны ко всему, что там происходит»³⁵. Как мы видим, М.С. Горбачёв в своей оценке не допустил, да и не мог допустить никакого «сербского крена». В отличие от его речи 1988 г. в Белграде, слова о славянстве и общей истории были адресованы отнюдь не одной только сербской стороне. «Общеввропейский процесс впервые в истории превращает Европу из культурно-цивилизационного понятия в многонациональную социально-политическую реальность», – заявил М.С. Горбачёв Ф. Гонсалесу и противопоставил «интеграционные тенденции» «разрушительным, развёрнутым в прошлое национализму и сепаратизму».

Во время июльских встреч в Москве как советские, так и иностранные политики стремились уйти от обязывающих сущностных характеристик конфликта, называя его «кризисом», «драматическим развитием событий» и т.д. Лишь в заявлении Советского правительства от 2 августа 1991 г. говорится о «тяжёлом *гражданском* (выделено мной. – С.Р.) конфликте»³⁶.

Советское партийное руководство с тревогой следило за тем, как в 1990–1991 гг. дезинтеграционные процессы в СФРЮ стали набирать силу и, в конце концов, приняли необратимый характер. Несмотря на все идеологические различия и предрассудки, социалистическая Югославия в глазах Москвы оставалась не только социально одностипным государством, но и многонациональной федерацией, развитие событий в которой могло стать не только предзнаменованием, но и реальным прообразом возможных событий в самом СССР. «Многим казалось, что у нас всего лишь предпринимается попытка повторить югославский опыт самоуправления социализма», – вспоминал Г. Х. Шахназаров³⁷.

С другой стороны, «меня ситуация в Югославии заставила очень глубоко задуматься», – говорил 8 декабря 1991 г. М.С. Горбачёв в интервью украинскому телевидению. И действи-

тельно в предшествовавшие распаду СССР и СФРЮ годы М.С. Горбачёв и его сторонники использовали пример Югославии для того, чтобы в спорах с консервативными оппонентами доказать необходимость проведения реформ, против уже начинавших себя проявлять тенденций к распаду СССР. «Голову на отсечение даю: не сохраним единого государства – получим Югославию», – горячо говорил М.С. Горбачёв, далеко не всегда корректно полностью отождествляя судьбы СССР и СФРЮ и сознательно или неосознанно не замечая существенные различия двух государств. Впрочем, тогда была не менее обоснована и противоположная формула: будем сохранять единое государство, тем более силой – получим Югославию.

Со своей стороны, антиреформаторские силы в КПСС также ссылались на пример Югославии для того чтобы, если не повернуть события вспять, то по меньшей мере сохранить в СССР статус-кво. В этом они нашли полное понимание части политического (сербского и черногорского) руководства, а также командования Югославской народной армии (ЮНА).

В руководстве СКЮ и СФРЮ были и люди, следившие за деятельностью М.С. Горбачёва с откровенной симпатией. Они отмечали, в отличие от практики предшествующих лет, «дружескую атмосферу» и «откровенность», устанавливавшиеся на переговорах, и признавали, что «он с группой сотрудников идёт далеко впереди других». Особенно бросалась в глаза смелость, с которой он в новогоднем обращении 1985 г. «удивил общественность и в особенности огромный бюрократический аппарат заявлением, что предпринятые меры и перемены – это только начало» писал Р. Дыздаревич³⁸. Но слова М.С. Горбачёва не убеждали симпатизировавших ему югославских политиков в том, что президент и генсек отдаёт себе отчёт в существовании многих опасностей на пути десталинизации и демократизации.

В 1991 г. антиреформаторские и националистические силы в обоих государствах и партиях попытались синхронизировать свои выступления и совершить государственные перевороты. Впоследствии парадоксальным образом некоторые отечественные политики, симпатизирующие Сталину, свою поддержку режима С. Милошевича объясняли необходимостью искупить «исторический грех» по отношению к титовской Югославии

1948–1953 гг. Контакты между руководством ЮНА, поддержавшим С. Милошевича, поскольку тогда оно видело в нём борца за сохранение целостности Югославии, и советскими военными, всё более резко оппонировавшими М.С. Горбачёву, были делом достаточно регулярным. В начале июля 1990 г., например, югославский адмирал Стане Бровет отчитывался о поездке в Москву, где встретил «полное взаимопонимание» министра обороны СССР маршала Д.С. Язова относительно ситуации в Югославии и СССР. Сторонники насильственного подавления и «удержания» СССР и Югославии в обеих столицах вряд ли бы отказались от синхронизации своих действий³⁹. В новых условиях Белград терял свою и идеологическую, и политико-стратегическую опору, каковой было и родство, и если не противостояние, то постоянное оппонирование Москве.

Критика политики М.С. Горбачёва со стороны «югославских товарищей» постепенно нарастала. Так, Б. Йович отмечал, что «в области межнациональных отношений ожидается рост напряжённости и конфликты»; Горбачёв «теряет популярность» среди слоёв, «лишающихся привилегий, а также военного руководства, которое не ожидало, что армия и оборонная промышленность попадут под удар перестройки»⁴⁰. Сходной, даже ещё более резкой оценки придерживался союзный секретарь по делам обороны генерал В. Кадиевич, считавший, что Горбачёв-де «развалил Варшавский договор, посадил всех коммунистов на скамью обвиняемых и дестабилизировал мир». При этом он использовал традиционную риторику советской пропаганды вроде «борьбы империализма против социализма», «реставрации капитализма», «территориальной экспансии», «зоны влияния», «конфликтов малой интенсивности» и т.д.⁴¹

25 февраля 1991 г., после событий в Литве, соратник С. Милошевича Б. Йович оценил М.С. Горбачёва уже совершенно иначе: «Мы с Велько Кадиевичем обсуждали новую ситуацию. Он проинформировал меня, что советский военный атташе передал ему обещание Язова через несколько дней ответить на наш вопрос относительно оценки военной угрозы с венгерской стороны. Язов передал, что Горбачёв увидел свои ошибки. Теперь он является сторонником политики сохранения целостности Советского государства и [существующего]

строю, который он позднее будет реформировать. Отныне и в дальнейшем Горбачёва надо поддерживать»⁴². Через несколько дней, 28 февраля председательствующий Президиума СФРЮ Б. Йович не скрывает удовлетворения: «Ясно, что Горбачёв осознал провал своей политики, которая привела СССР к катастрофе; он хочет избежать поворота армии и КГБ против себя и обещает им большую роль в спасении страны»⁴³.

Использование силы в Литве привело к тому, что сербские военные стали видеть в М.С. Горбачёве чуть ли не единомышленника и союзника, что полностью не соответствовало действительности. Поэтому, несмотря на совпадение взглядов и настроений, советские генералы и специалисты сказали В. Кадиевичу, что «нет никаких вариантов в которых Запад считается с их военной интервенцией», а о «советской помощи говорить избегали. В Москве требование С. Милошевича и его сторонников поддержать военный переворот в Югославии не нашло официальной поддержки, и В. Кадиевичу было не суждено сыграть роль «югославского Ярузельского». В то же время, В. Кадиевич вернулся из Москвы уверенным, что «президент Горбачев долго не продержится и если ещё немного потерпеть, то коммунизм в СССР вновь обретёт силу»⁴⁴.

Но переворот в СФРЮ тогда не состоялся, как не состоялся и открытый политический (не говоря уже о военном!) конфликт СССР с «Западом» из-за интересов белградских «полутитоистов-полусталинистов», а также великосербских националистов. В июле – начале августа 1991 г. (путч решал историческую судьбу не только существовавших режимов в обоих государствах, но и коммунизма в принципе) Б. Йович со смесью раздражения и разочарования замечает, в «руководстве (советского. – С.Р.) МИД постепенно возникает убеждение, что сохранение территориальной целостности Югославии всё больше ставится под вопрос из-за событий внутри самой Югославии. СССР громко заявляет о приоритетности в собственных интересах сохранения существующих югославских границ, но допускает возможность и иного развития событий»⁴⁵.

Однако формальный отказ поддержать государственный переворот в Югославии в марте 1991 г. не означал того, что югославские и советские противники реформ прервали свои связи и отказались от дальнейших попыток синхронизировать свои действия. Летом 1991 г. в официальной югославской печати была

развернута критика горбачёвского руководства, а советские СМИ были полны материалами, направленными против стремления Словении и Хорватии к обретению суверенитета, в поддержку С. Милошевича и военной верхушки. Вполне возможно, что обратился В. Кадиевич в Москву в июле или августе, когда, как считали путчисты, позиции президента СССР ослабли, а ЮНА потерпела поражение в «десятидневной войне» в Словении 27 июня – 7 июля, он получил бы благословение и поддержку.

Бросается в глаза изменение ритуальной лексики в советско-югославских отношениях. В своих телеграммах соответственно от 16 и 18 марта 1990 г. по случаю избрания Горбачева президентом СССР Я. Дрновшек и А. Маркович обращаются к главе советской партии и государства «уважаемый товарищ Президент». Сам же М. С. Горбачев в телеграмме С. Месичу от 5 июля 1991 г. с поздравлениями по случаю избрания председателем президиума СФРЮ обращается к последнему «Председателю Президиума СФРЮ *господину* (выделено мной. – С.Р.) Степану Месичу».

Между этими двумя датами стоит провозглашение парламентами Хорватии и Словении 25 июня 1991 г. деклараций о независимости. Это было негативно встречено в ориентировавшейся по традиции на Белград Москве, которая расценила эти шаги как «не получившие признания государственных органов СФРЮ и не могущие рассматриваться как способствующие решению сложных проблем Югославии». По-видимому, это заявление МИД от 26 июня 1991 г. отражало подготовку антиреформаторских сил к путчу. В нём далее говорилось, что «Советский Союз последовательно выступает за единство и территориальную целостность Югославии, нерушимость её границ, включая внутреннее право народов Югославии решать свою судьбу, поддерживает федеральные структуры власти, которые стремятся обеспечить сохранение югославского государства»⁴⁶. Наиболее консервативные силы в КПСС, пытаясь обосновать антигорбачёвскую платформу, ссылались на «положительный» пример Китая, успехи которого объяснялись отсутствием в стране «лишней демократии», и Югославии, где она всё же была.

В августе 1991 г. президент и правительство Хорватии, исходя из собственных национально-государственных интересов, в отличие от сербских руководителей, которые с «эн-

тузиазмом» приветствовали путч и арест Горбачёва, осудили путчистов и заявили о своей поддержке президентов СССР и России. «Государственный переворот в СССР, конечная цель которого состоит в отрицании права народов и их республик на самоопределение и сохранении коммунизма, показал, что сторонники господства самого крупного по сравнению другими народами в большевистских федерациях народа так просто не сдаются», – говорилось в письме президента Хорватии⁴⁷.

В Словении августовские события общественность встретила с интересом, но несколько отстранённо, как исключительно внешнеполитическое событие. Страна окончательно разорвала внутреннюю связь с Югославией, с «Востоком». Особых симпатий и интереса к России, как показывали опросы общественного мнения, массовое сознание не испытывало. Вместе с тем совершенно очевидно, что Любляна ни в коей мере не могла поддерживать «путчистов», победа которых поставила бы и рождавшееся в муках словенское государство в нелегкое положение.

Уже после провала путча, новое заявление МИД СССР от 19 сентября 1991 г., адресованное председательствующему в органах европейского сообщества, свидетельствовало об изменении позиции Москвы. Были прекращены «спецпоставки» и СССР фактически присоединился к эмбарго «на поставки оружия и боевой техники» в СФРЮ⁴⁸.

В октябре 1991 г. МИД СССР выступил с инициативой пригласить в Москву для переговоров С. Милошевича и Ф. Туджмана. Сам Горбачёв 6 октября направил соответствующие послания руководству Югославии и Хорватии. В частности, он писал президенту Ф. Туджману и премьер-министру Франьо Грегуричу: «Мы располагаем информацией о том, что в ближайшее время [ЮНА] осуществит нападение на крупные индустриальные центры и даже на столицу Хорватии – Загреб... Вне всякого сомнения, это вызвало бы острое осуждение и соответствующую реакцию в мире... В этот тревожный момент Советское руководство обращается к руководству Югославии и руководству ЮНА с настоятельным призывом показать максимальную ответственность и сдержанность и, чтобы предотвратить распространение войны, немедленно приостановить военные действия и безусловно и полностью выполнять соглашение о прекращении огня»⁴⁹.

Не всем в Москве было понятно, «почему на фоне пылающих внутренних конфликтов... Горбачёв должен отдавать приоритет тушению чужих пожаров». Учитывая внутри- и внешнеполитическую ситуацию в СССР, а также традиции советско-югославских отношений, для многих в Москве неожиданно стало и то, что «оба лидера сразу согласились приехать». И Туджман, и Милошевич объяснили своё появление в Москве сходными мотивами: «Именно благодаря своему уникальному и трудному опыту перестройки, Горбачёв имеет и опыт, и моральное право для того, чтобы высказать нам свои рекомендации. И именно от него мы готовы принять советы»⁵¹. «Туджман и Милошевич на встрече в Москве попытались глубже вовлечь Горбачёва в обсуждение причин югославского кризиса, – пишет М. Нобило. – (...) Но Горбачёва по-прежнему интересовало только прекращение вражды, для чего он использовал всё своё обаяние»⁵². Однако «новый шанс» на восстановление мира в Югославии, возникший в Москве, использовать не удалось, да и, к сожалению, вряд ли это было объективно возможно. Сербский и хорватский лидеры не могли не почувствовать нарастающую слабость позиций самого Горбачёва и непрочность возглавлявшегося им государства. Не говоря уже о субъективном нежелании и незаинтересованности сербского и хорватского лидеров, уже тесно связавших свою политическую судьбу с взаимной конфронтацией. Предусмотренные в совместном коммюнике «прекращение всех вооруженных конфликтов» и «переговоры между высшими представителями Сербии и Хорватии» так и не состоялись⁵³. Для самого Горбачёва, по-видимому, переговоры с лидерами Сербии и Хорватии остались, к сожалению, незначительным эпизодом. Во всяком случае, в своих воспоминаниях он не посвятил им ни строчки.

8 ноября 1991 г., всего за месяц до встречи Б. Н. Ельцина, Л. М. Кравчука и С. С. Шушкевича в Беловежской пушке, МИД СССР «с пониманием» отнесся «к тем вынужденным мерам, которые входящие в ЕС страны предпринимают в отношении Югославии»⁵⁴. А 8 декабря прекратил своё существование и сам Советский Союз.

Благожелательное, но искажённое практически полным отсутствием информации о жизни Югославии и политике Тито аукнулось много лет спустя и в начале 1990-х помешало

многим «шестидесятникам» и их политическим наследникам выработать последовательную и реалистическую позицию по отношению к распаду СФРЮ. А стремления национальных движений словенцев и хорватов (да и других народов Югославии), а также политического руководства их республик во все не сводились исключительно к «сепаратизму». Не говоря и о том, что так называемый «внешний фактор» сыграл хотя и большую, но всё же вторичную роль в распаде исторически изжившей себя к началу 1990-х гг. СФРЮ. Версию «инострannого влияния» и «вины» М. С. Горбачёва в распаде СССР, который не мог не повлиять на развал СФРЮ, отвергают и трезво мыслящие политики бывшей Югославии. «Я считаю, что было бы ошибкой искать глубокие и настоящие причины в этом направлении, тем более утверждать, что эту кашу нам „сварил“ кто-то за границей», — пишет Р. Диздаревич⁵⁵.

Подобно многим своим предшественникам, Горбачёв не понимал природы процесса национального самоопределения. И поэтому он не мог пойти дальше «либерального», но империализма, пусть и реформаторского. Кроме того, распад Югославии поставил бы под вопрос жизнь и второй «священной коровы» для Горбачёва — европейской интеграции, а также принципа законности. Хотя уже тогда многим было ясно, что государства, подобные СССР и Югославии можно сохранить только силой, что время их ушло, и они прекращают своё существование во все не потому, что их-де «развалили плохие люди».

Сам президент СССР, сравнивая опыт распада СССР и СФРЮ, по-своему посмотрел на проблему: «Очевидно, мы имеем дело с двумя крайностями, которые, при всём их различии, привели к одинаковым последствиям. Я имею в виду попытки, с одной стороны, сохранить практически в нетронutom виде унитарное государство, а с другой — пожертвовать единым государством под флагом борьбы за идею суверенитета». Он назвал несколько причин развития событий в Югославии: «националистические страсти и амбиции», «неудача с радикальным реформированием югославской модели социализма», появление среди новых лидеров людей, спешащих едва ли не любой ценой воспользоваться плодами демократизации и либерализма, разрядки и прекращения „холодной войны“»⁵⁶.

Горбачёв не мог поддерживать и не поддерживал С. Милошевича, сделавшего воинствующий сербский национализм своей козырной политической картой. Но по этим же причинам ему вряд ли были близки и понятны устремления хорватского национального движения (а также национальных движений других народов СФРЮ), тем более в их крайних вариантах, которые никогда не встречали ни в России, ни в СССР особого понимания и сочувствия. Поэтому он не поддерживал и Ф. Туджмана, которого он не мог не считать одним из разрушителей единой югославской социалистической федерации, не разделяя к тому же упрощённый подход «западных стран» относительно «демократических Хорватии и Словении» и «коммунистической Сербии». Однако, будучи реальным политиком, он видел, что путей к сохранению СФРЮ уже нет и главное в сложившейся ситуации – обеспечить «мирный развод». Отказ от применения силы, безусловно, был сознательным выбором президента СССР и как политика, и как человека.

Благородная попытка сохранить СССР и СФРЮ и тем самым мир на пространствах обоих распадавшихся государств, предпринятая М. С. Горбачёвым уже после попыток военно-националистических путчей, стала прощальным поклоном не только лично президента СССР. Это стало окончательным прощанием с иллюзией под названием «социализм с человеческим лицом». Стало очевидно, что любые попытки реформ вызывают сопротивление «охранительных сил», готовых на всё. То, что в конце 1960-х – начале 70-х выглядело демократической и благородной иллюзией, в начале 1990-х превратилось в реакционную и антигуманную утопию. В случае осуществления подлинных реформ «социалистический эксперимент» неизбежно заканчивается; в случае их поражения – «человеческое лицо» становится ненужной маской.

Примечания:

¹ См.: Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М., 1938. - С. 151–154, 166–171; Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. М., 1934. - С. 32–33, 41, 45, 163–165; Сталин И. О

Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. - С. 31, 53. Фальсификаторы истории (историческая справка). М., 1952. - С. 67, 70; Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. М., 1946. - С. 11; Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). М., 1952. - С. 23, 28.

² «Партийная жизнь». 1955. №16.

³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Книга 2. Москва, 1995. - С. 380.

⁴ Например, ср.: Колесников А. Неизвестный Чубайс. С. 52, 54–55; Шеремет П., Калинкина С. Случайный президент. - С. 16.

⁵ Dizdarević R. Od smrti Tita do smrti Jugoslavije. Svjedočenja. Sarajevo, 1999. S. 172. Совместное коммюнике см.: Правда. 8.VII.1985. См. также: Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985. - С. 297–298.

⁶ Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.- С. 167–168, 175. Также см.: Медведев В.А. Распад. Как он созрел в «мировой системе социализма». М., 1994. - С. 376–377.

⁷ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. - С. 102.

⁸ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. - С. 380.

⁹ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Социалистическую Федеративную Республику Югославию. 14–18 марта 1988 г. М., 1988. - С. 77, 78

¹⁰ Dizdarević R. Od smrti Tita do smrti Jugoslavije. - S. 179.

¹¹ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. - С. 383.

¹² Шахназаров Г.Х. Цена свободы. - С. 103.

¹³ Грачев А.С. Кремлевская хроника. М., 1994. - С. 160.

¹⁴ Doder D. i Brenson L. Put bez povratka. Politička biografija Mihaila Gorgbačova. Prevod s engleskog. Beograd, 1991. - S. 258.

¹⁵ Грачев А.С. Кремлевская хроника. - С. 125.

¹⁶ Тилас М. Лењинистичке илузије Горбачова // *Тилас М.* Пад нове класе. Београд, 1994. - С. 288

¹⁷ Грачев А.С. Кремлевская хроника. - С. 124.

¹⁸ Doder D. i Brenson L. Put bez povratka. - S. 258.

¹⁹ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. - С. 102.

²⁰ Там же. - С. 103.

²¹ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. - С. 54.

- ²² Silber L., Little A. Smrt Jugoslavije. Prevod s engleskog. Opatija, 1996. - S. 31.
- ²³ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. - С. 384.
- ²⁴ Остается только сожалеть, что Г.Х. Шахназаров не привел в своих воспоминаниях документов, относящихся к визиту М.С. Горбачева в СФРЮ в 1988 г., а также к интенсивным контактам между советским и югославским руководством весной и летом 1991 г. Это же относится и к вышедшей недавно книге «В Политбюро ЦК КПСС ...». По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006.
- ²⁵ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. - С. 506.
- ²⁶ Улуян Ар.А. Старая площадь и «единая Восточная Европа» в 50–90-е годы. Советская коммунистическая доктрина и геополитика // История европейской интеграции (1945–1994) / Под ред. А.С. Намазовой, Б. Эмерсон. Москва, 1995. - С. 215–216.
- ²⁷ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. - С. 103, 104.
- ²⁸ Грачев А.С. Кремлевская хроника. - С. 182.
- ²⁹ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. - С. 104.
- ³⁰ Югославский кризис и Россия. - С. 217.
- ³¹ Там же. - С. 220.
- ³² Там же. - С. 221.
- ³³ Там же. - С. 223.
- ³⁴ Там же. - С. 222.
- ³⁵ Там же. - С. 21-222.
- ³⁶ Там же. - С.60.
- ³⁷ Шахназаров Г.Х. Цена свободы. - С. 102.
- ³⁸ Dizdarević R. Od smrti Tita do smrti Jugoslavije. - S. 176–177.
- ³⁹ Mamula B. Slučaj Jugoslavija. Podgorica, 2000. - S. 182
- ⁴⁰ Јовић Б. Последњи дани СФРЈ. - С. 69
- ⁴¹ Nobile M. Hrvatski feniks. Diplomatski procesi iza zatvorenih vrata. 1990–1997. Zagreb, 2000. - S. 75. Также см.: Кадијевић В. Моје виђење распада. Београд, 1993.
- ⁴² Јовић Б. Последњи дани СФРЈ. - С. 276
- ⁴³ Там же. - С. 282
- ⁴⁴ Silber L., Little A. Smrt Jugoslavije. - S. 118.
- ⁴⁵ Јовић Б. Последњи дани СФРЈ. - С. 364, 368, 369.
- ⁴⁶ Заявление МИД СССР от 26 июня 1991 г. // Югославский кризис и Россия. М., 1992. - С. 56.

⁴⁷ Nobile M. Hrvatski feniks. - S. 176.

⁴⁸ Югославский кризис и Россия. - С. 63.

⁴⁹ Nobile M. Hrvatski feniks. - S. 176–177; Югославский кризис и Россия. - С. 63.

⁵⁰ Грачев А.С. Кремлевская хроника. - С. 212.

⁵¹ Nobile M. Hrvatski feniks. - S. 178.

⁵² См.: Югославский кризис и Россия. - С. 63; Tomac Z. Iza zatvorenih vrata. - S. 332–333; Nobile M. Hrvatski feniks. - S. 118.

⁵³ О встрече в Москве не упомянули в своих воспоминаниях и дневниках ни бывший министр иностранных дел Германии Г.Х. Геншер. (См.: Genscher H.-D. Sjećanja. Prijevod s njemačkog. Zagreb, 1999. - S. 537–539), ни Б. Йович, ни Д. Чосич. Однако на наш взгляд это несколько не умаляет значение этого политического акта.

⁵⁴ Цит. по: Рыжков Н.И., Тетёкин В.Н. Югославская Голгофа. - С.75.

⁵⁵ Dizdarević R. Od smrti Tita do smrti Jugoslavije. - S. 426.

⁵⁶ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. - С. 386, 387.

Sergey Romanenko

M.S.Gorbachyov and destiny of Yugoslavia

The Soviet-Yugoslav break was of historical significance for CPSU and CLY, the USSR and Yugoslavia. It was the first rupture in the communist world centered in Moscow and the first step toward the polycentrism which forecast, in the long run, the collapse of the Soviet Empire in Eastern Europe. Mikhail Gorbachev tried to overcome fatal consequences of the conflict 1948-1956. Soviet general secretary and his colleagues used some elements of the Yugoslav anti-Stalin experiment. Subsequently they strive to prevent disintegration of the two multinational states, but failed in their attempts. The two ruled parties and the USSR and SFRY ended in disaster in the beginning of the 1990s.

Key words: Gorbachev; perestroika; Tito; the USSR – Yugoslavia relationship; the self-governing socialism; federations; the break-up of the multinational state.

Надійшла до редколегії 22.04.2010 р.